

Он всегда опаздывал. В школу пошел в восемь лет, когда его ровесники уже освоили грамоту и вступили в октябрюта. На торжественную церемонию приема в пионеры он опоздал, зачитавшись книжкой о похождениях Гулливера. В результате красный пионерский галстук ему повязали только через два года. Комсомольцем он стал только в студенчестве, когда в деканате с ужасом обнаружили, что приняли в педагогический институт не члена ВЛКСМ. Как такое могло произойти, никто не знал. И его срочным порядком, хотя и с большим опозданием, но все-таки приняли в стройные ряды строителей коммунизма.

Опаздывал он и в быту.

Опоздание было неотъемлемой частью его натуры. Он опаздывал на поезда, автобусы, спектакли, собрания, занятия, экзамены и киносеансы. Ему всегда не хватало пяти минут. Казалось, ну что бы выйти пораньше! Сократить время одевания или умывания, протиснуться в битком набитый автобус, а не ждать следующего, полупустого, который приползет через полчаса. Нет, всегда получалось одно и то же. Он опоздал даже на торжественное вручение диплома об окончании педагогического института, и диплом ему отдала секретарша в приемной ректора, заставив расписаться нерадивого выпускника в получении.

Странная особенность поведения напрягала и его самого. Он стал подозревать себя в том, что опаздывал сознательно, точнее подсознательно. Он так любил покой и равновесие, что любое дело, связанное с движением, нервными усилиями, хлопотами и заботами вызывало в нем внутренне противодействие. И в самый решающий момент, перед выходом из дома, обязательно происходило что-то такое, что останавливало его. Либо кто-то о чем-то просил и почему-то нельзя было отка-

звать, либо рвались шнурки, либо выяснялось, что нет ни одной глаженной рубашки. И все задержки казались объективными, независимыми от его воли. Ну не сам же он, в самом деле, нарочно рвал эти шнурки? Но подозрение о подсознательном противодействии при необходимости нарушить состояния покоя в нем все-таки не умирало. Хотя поставленный диагноз никак не влиял на результат.

Опаздывал он и в психологическом развитии.

В шестнадцать лет он плакал, как в десять, если его обманывали. В тридцать он боялся приблизиться к девушке, как шестнадцатилетний подросток. В сорок он все еще верил в справедливость и полагал, что от каждого человека в этой жизни что-то зависит. В пятьдесят он думал, что все еще впереди. Выйдя на пенсию, он понял, что опоздал.

Он никогда не был женат, у него не было детей, не было квартиры, не было друзей, не было машины и ярких воспоминаний.

Когда ему стукнуло тридцать три, он влюбился. Это была пионервожатая, живая, миловидная, пухленькая девушка по имени Света, которая умела так заразительно смеяться, что вокруг улыбались все. Он тоже.

Его звали Атлант Спиридонович Колайдопуло, чем он несказанно гордился. Такое звучное имя всегда вызывало интерес окружающих. Светочка не была исключением.

– Ах, Атлант Спиридонович, какое у вас романтическое имя! Ваши предки случайно не из Атлантиды? – смеялась пионервожатая.

– Почти угадали, – с улыбкой отвечал он. – Мои предки – выходцы из Греции. Но они давно обрусели и на протяжении многих веков верно служили Российской империи. Среди них были и композиторы, и вице-адмиралы, и генералы, и даже особы, приближенные к императору.

– Ой, как в фильме «Двенадцать стульев».

– Светочка, извините, но проходимцев среди моих предков не было.

– Простите, Атлант Спиридонович, я не хотела вас обидеть. А вы мне расскажете о ваших знаменитых родственниках?

– Конечно, Светочка, с большим удовольствием.

Светлана имела приятное личико, а ямочки на румяных щечках были так забавны и восхитительны, что от умиления наворачивались слезы и хотелось схватить это милое создание и нести через всю жизнь на руках. Ее глаза так сияли, когда она смеялась, что казались двумя солнышками, выглядывавшими из-за свинцовых туч действительности, освещая весь мир радостью и счастьем.

После занятий Атлант Спиридонович, который о ту пору еще был стройным, как южный пирамидальный тополь, и имел довольно сносную шевелюру, водил свою возлюбленную в кафе «Снежинка» и угощал ее сливочным мороженым. На большее он не претендовал. Он считал, что если поцелует избранницу своего сердца, то немедленно должен будет на ней жениться.

А о какой женитьбе могла идти речь? Он жил в общежитии, где соседом по комнате был штукатур-плиточник, часто употребляющий спиртные напитки, шумный и веселый, надоедливый и безграмотный. Даже в гости нельзя было пригласить к себе милую интеллигентную девушку.

А в случае женитьбы можно было претендовать только на отдельную комнату в том же общежитии, да и то не сразу. У него не хватало духу предложить такую, мягко сказать, незавидную перспективу для любимой девушки. Но, по правде, не только это удерживало его от порыва любовного признания. Он примерял на себя семейную жизнь, какую ему приходилось наблюдать в общежитских коридорах, и его бросало

в дрожь. Общая кухня на десять комнат, общая же прачечная и сушилка, дети, бегающие по коридорам и вопящие, как «водители краснокожих», бессонные ночи под неумолкаемый плач больного младенца, неприбранная и злая от неустроенности быта жена, бросающая его вещи где попало и диктующая ему правило его личной неприкосновенной жизни.

Они все так же ходили в кафе «Снежинка», все так же ели сливочное мороженое, но Света все меньше смеялась и все реже просила рассказать Атланта Спиридоновича о его греческих корнях.

А он все размышлял и размышлял, представляя себе в разных вариациях сцену признания в любви. Но ни разу не позволил воплотиться какому-либо варианту наяву. Вся школа знала об их влюбленности и только гадали, когда же состоится свадьба. А время шло, и однажды произошло то, что должно было произойти. Коллектив в один из теплых майских дней собрался на пикник за город по случаю окончания учебного года. Закупили продукты и спиртное, распределили, кто берет с собой бадминтонные ракетки, волейбольный и футбольные мячи, подстилки и клеенки, посуду и вилки. Атланту Спиридоновичу достались шампур. Дома, естественно, у него такого добра не оказалось, и он побежал с утра в магазин. Но все магазины открывались после девяти, и поэтому он, так ничего и не купив, опоздал на автобус, который ровно в девять уже отправился от ворот школы.

На пикнике под влиянием выпитого вина, пионервожатая Света неожиданно для себя оказалась в объятиях физрука Сережи, который был мил и ласков, заразительно весел и обаятелен, а к тому же восхитительно целовался.

С той поры Света ходила в кафе с физруком, а на Атланта Спиридоновича поглядывала с виноватой улыбкой, впрочем, нисколько не жалея, так как наконец-то обрела в своей жизни настоящего мужчину.

Но Атлант Спиридонович не сразу понял, что поезд ушел, и все еще переживал по поводу предстоящего признания, обустройства семейного быта и решения проблем, связанных с женитьбой. И однажды он все-таки собрался с духом и, встретив в коридоре Светлану, сказал:

– Светочка, я готов к семейной жизни.

Та улыбнулась, сочувственно погладила его по руке и ответила:

– Вы опоздали, Атлант Спиридонович, я уже выхожу замуж за Сережу.

Это было тяжелым ударом по самолюбию Атланта Спиридоновича. Несколько лет он не мог оправиться от потрясения. Душа его пребывала в смятении. Он еще больше замкнулся в собственном мире и еще сильнее стал ценить и оберегать душевное равновесие. С тех пор он смотрел на женщин, как смотрят на школьную доску или классный журнал, – как на вспомогательные элементы в рабочем процессе.

А поскольку без участия этих лживых и неблагодарных существ нельзя было произвести потомство, Атлант Спиридонович так и остался одиноким.

У него умер отец, проживший в одиночестве до восьмидесяти лет и оставивший ему однокомнатную квартиру. Он наконец-то переехал из общежитской комнаты в отдельное жилье. Квартиру получить он тоже опоздал – Советский Союз развалился. Растаял, словно льдинка в кипятке, развитой социализм, а с ним и надежды на доброе государство, которое чего-то должно было своим нищим гражданам. Листочек с очередью, в хвосте которой он долгое время числился, еще долго пылился на стенде объявлений, пока кто-то решительный не сорвал его и не выбросил в рядом стоящую урну. Страна изменилась, все стало продаваться и покупаться.

Но учительской зарплаты ему хватало только на пропитание и на редкие покупки одежды, чтобы выглядеть на уроках более или менее прилично. Поэтому, как это ни прискорбно говорить, смерть не очень обожаемого и не очень заботливого отца порадовала Атланта Спиридоновича – отпала необходимость присмотра за дряхлым, немощным человеком да и появился свой собственный угол, на который посягнуть никто не имел права.

Наличие собственного жизненного пространства еще более укоренило его в желании тщательного обустройства своего необитаемого острова, на котором только он был хозяином. Все лежало и стояло на своих местах, везде царили порядок и гармония. Ничто не требовало изменения. Покой и равновесие – вот главное правило, которое усвоил Атлант Спиридонович. Это очень трудно – изменять себя и окружающий мир. Для этого нужно прилагать большие усилия, беспокоиться, тратить психическую и физическую энергию. А зачем напрягаться, если все идет само собой? Все суета сует, говорил мудрый Экклезиаст. Так зачем тратить энергию, если все равно будет так, как будет?

К шестидесяти годам он утратил большую часть своих волос, приобрел солидность в районе живота и разучился что-либо понимать в окружающей действительности. Мир изменился без его участия. Он не понимал, почему добрые и душевные фильмы о любви, долге, чести, достоинстве пропали, а их место заняли боевики с ужасным количеством трупов и сцен жестокости, почему женщины перестали стесняться и оголились перед всем миром, показушно изнывая от страсти в объятиях таких же голых мужчин. Героями нации стали веселые и обаятельные авантюристы и добродушные убийцы. Его любимое дело – учительство – превратилось в услугу, словно он работал в прачечной. Вместо комплекса знаний стали требовать умения угадывать ответы в тестах, сработанных на заокеанский лад. В каком платье Анна Каренина была на балу? Синем, красном, черном? Угадал – пять. Не угадал – угадаешь в следующий раз.

Он перестал понимать, кого он должен был воспитывать. Кроважидных монстров без стыда и совести? Пустоголовых болванчиков, готовых за минутное удовольствие продать мать родную? Пошлых и похотливых попрыгунчиков, ненавидящих любой труд?

А что за государство строили нынешние вожди? Страну жадных, вечно жрущих и орущих от удовольствия бездельников?

А кто будет строить и лечить, учить и делать открытия, летать в космос и покорять океаны? «Кто, если не ты?» – спрашивал когда-то своих современников писатель Юрий Герман. И те откликнулись – мы! И строили, летали, опускались в океанские глубины и рисковали своей жизнью, чтобы спасти других.

Такие пафосные мысли приходили в его седеющую и лысеющую голову, и он сокрушался, что мир изменился далеко не в лучшую сторону. Если бы была его воля, то он бы...

Дальше этого мысль не шла, потому что он не привык заниматься изменением мира. Его душевного порыва хватало только на протест внутри себя и возмущение, изредка высказываемое в бесстыжие стеклянные глаза телевизора. Своих мыслей, «как нам обустроить Россию», у него не рождалось. Он никому не высказывал своего протеста, понимая, что это ничего не изменит и его недавняя вера во всеобщую высшую справедливость была ошибочной.

Да, конечно, у него был шанс изменить свою жизнь и попробовать изменить окружающий его мир. Кто, если не ты? Он тоже принял этот вопрос всерьез и всерьез задумывался о своем месте в преобразовании

общества. Но благие размышления всегда разбивались о незыблемый утес благоразумия.

Однажды его вызвала к себе Альбина Сергеевна, директор школы, где он работал, и сказала:

– Атлант Спиридонович, вы мне нравитесь как учитель. Вы собранны и авторитетны, вас уважают коллеги и ученики. Вы серьезны и хорошо организованны. Я думаю предложить вам административную должность. Завуч, Анна Валерьевна, собралась на пенсию, и я ищу ей достойную замену. Не хотели бы вы попробовать свои силы на новом поприще? Хотя какое же оно для вас новое? Весь учебный процесс для вас ясен и понятен. Немного подучитесь и станете хорошим завучем. А завучи автоматически включаются в городской резерв на директоров. Если в какой-либо школе освободится директорское место, то сможете претендовать. А там и до заведующего горono рукой подать. Как вы на это смотрите?

Атлант Спиридонович от неожиданности засмутился, он был ошарашен открывающимися огромными перспективами, у него перехватило дух. Но привычное благоразумие быстро привело вышедший из равновесия организм в состояние покоя. А сердце вдруг похолодело от ощущения опасности перед новизной. Ему хватило разума не сразу ответить отказом.

– Вы разрешите мне подумать, Альбина Сергеевна?

– Думайте, Атлант Спиридонович. Только не очень долго.

Он взвешивал все за и против, посматривал на себя со стороны и видел сурового администратора, который отчитывает опоздавшего на планерку учителя либо делает нелицеприятный разбор урока не очень умелого коллеги. Или с трибуны общегородской конференции клеймит позором ретроградов и лентяев, предлагая передовые реформы, назревшие в народном образовании. Кто, если не ты?

Но... А какое он имел право судить методику преподавания своих коллег? Он что – семи пядей во лбу? Или его диплом чем-то лучше, чем у остальных? А если, побывав на чужом уроке, он не выскажет ни одного замечания, все сочтут, что он – полный дурак. Да к тому же сразу в коллективе появятся тайные и явные враги. Все без исключения педагоги недовольны расписанием, которое составляет завуч. И его расписание тоже будет осуждаться и высмеиваться.

А уж о директорской должности и говорить не приходится. Начальство не любят все. Лабрюйер писал, что французский народ слепо предрасположен к вельможам, он так повсеместно восхищается их жестами, выражением лица, тоном и манерами, что боготворил бы этих людей, будь они хоть немного добрее.

У русских все наоборот. Народ ненавидит начальство только за то, что оно находится выше массы и всегда навязывает ему свою волю. А если он, Атлант Спиридонович Колайдопуло, дорастет до должности заведующего горono, то количество врагов возрастет до угрожающих размеров. Людям нравятся не пророки, а памятники. Атлант Спиридонович не любил, когда к нему относились плохо. Он старался быть хорошим для всех. Став начальником, он изменил бы самому себе.

Процесс обдумывания затянулся. Однажды на утренней планерке директор представила новую коллегу:

– Знакомьтесь, это наш новый завуч.

По внешнему виду дамочки было видно, что той не свойственны сомнения. По ее узкому волосатому лбу, маленькому безгубому роточку, прямоугольной, без изгибов и выпуклостей, фигуре и короткой, словно

обрубленной саблей, причёске было ясно, что она имеет право судить о его учительской методике, и она будет судить, резко и нелицеприятно, а может, даже грубо и оскорбительно. По-настоящему страшны только дураки, у которых есть власть. А власть всегда бесчеловечна, иначе она не сможет существовать.

Заныло под ложечкой. Надо было соглашаться сразу.

Атлант Спиридонович опять опоздал.

Думая об этом, он вдруг понял, что опоздал даже с рождением. Он должен был родиться где-нибудь в девятнадцатом веке и стать, например, особой, приближенной к императору.

Там жили люди, для которых слово «честь» являлось ключевым. Иначе – пуля в лоб или честная дуэль. Женщины были эмоциональны, но стыдливы. Их богатый внутренний мир был так блестяще и волнующе описан Толстым и Пушкиным, Чеховым и Тургеневым!

Атлант Спиридонович, понял, что отдал бы все на свете, чтобы пройти по вечернему бульвару с утонченной барышней, одетой в длинную широкую юбку и обтягивающий жакет, делавший стройную, изящную девушку богиней. Вот она плывет мимо пролетов и важно вышагивающих офицеров, украшенных блестящими эполетами и пышными бакенбардами, мимо булочных и парикмахерских, мимо высоких тополей и величественных храмов. Ее прямая спина, гордо посаженная головка, витиеватая шляпка, возлежащая на аккуратно уложенной причёске, создают неземной образ ожившей статуи, изваянной великим Творцом. Это неземное создание идет рядом, слегка касаясь твоего локтя тоненькой ладошкой, затянутой в черную ажурную перчатку, и задумчивым голосом говорит о таинственном и возрождающем чувстве любви и о совершенстве мира.

И ты сам становишься чистым и возвышенным, разумным и великодушным, милосердным и справедливым.

Колайдопуло опоздал стать именно таким. Он стал толстым, обрюзгшим, лысым, никому не нужным стариком. Жизнь прошла в суете за мизерную зарплату, в борьбе за маленькие удовольствия и прихоти, в ожидании чего-то лучшего, значительного и имеющего смысл.

Смысла не было. Пятнадцать лет он упорно учился, потом с не меньшим упорством осваивал профессию, затем передавал свои знания чужим детям. А результат? Что он получил взамен своего самозабвенного труда? Учителем, по мнению многих, он был неплохим. Вручали какие-то грамоты, помещали его портрет на Доску почета, присвоили престижное звание, отмечали в праздничных речах.

Но, выйдя на пенсию, он остался один. Никто из коллег не поздравлял его с праздниками, не приглашал на профессиональные собрания, бывшие ученики не радовали подарками по случаю дня рождения или наступления Нового года, а те, кто его хвалил с высоких трибун, хвалят теперь других. Все быстротечно.

Тоска, серость и пустота.

Откуда это?

Ах, да. Именно это чувствовали чеховские героини, жаждавшие яркой, чистой, восторженной, незабываемой любви. И не получали ее.

А случись такое, чтобы он вдруг попал в тот утонченный, благородный и восхитительный век? Что было бы тогда?

Надо быть честным. Он бы тоже не смог предложить им этого счастья и не смог бы стать особой, приближенной к императору, потому что всегда медлил. Всегда опаздывал.